

правде сказать, была чудесная: звезды так и кружили, музыка с небес лилась особенно нежная, лягушки то и дело впархивали в открытые окна. Мы заказали ящик вина, десяток флаконов рубедо и корзину легких закусок. Все молчали, поскольку обсуждать было уже нечего. Кегран бы выиграл бой только в случае, если бы Дуво захворал или позабыл все борцовские приемы. Подобраться к Дуво — слабительного ему, скажем, в кашу подсыпать либо чесоточного порошка в трико — мы никак не могли. За ним, как и за любым чемпионом, денно и ночью следила целая свора охранников, даже в сортир он ходил по расписанию и под наблюдением тренера, так что о диверсии пришлось забыть. Про то, чтобы как-то усилить нашего Кеграна, тоже думали, но как добавить сил тому, кто и так сильнее всех в Цуге?

В общем, сидели, готовились помаленьку к безоговорочной капитуляции перед Логом, и Бальнер, министр питания, уже кому-то писал насчет поставки рыбных консервов. Вдруг дверь распахнулась, и в зал вошел Реджинальд Ден с таким выражением лица, будто только что сам выиграл чемпионский бой, а за ним, спотыкаясь, ввалился тощий тип, закутанный в длинный грязно-зеленый лабораторный халат. «Позвольте, господа, представить, — объявил Реджинальд. — Мастер Фосс из Регеборга, алхимик-новатор, наша, с позволения сказать, последняя надежда».

Мастер Фосс встал во главе стола. Ни поклона, ни кивка, только сверлил всех глазами и теребил краешек халата. Волосы длинные, нос прыщавый, пальцы все в разноцветных пятнах от химикалий, и ногти обкусаны. Реджинальд с размаху хлопнул его по плечу (отчего Фосс слегка присел) и сообщил: «Молодой человек изобрел машину, которая может перевернуть весь мир с ног на голову. Завтрашняя победа в состязании — вопрос решенный. Пускай Лог подавится своей пурпурной карточкой. Но состязание — это только начало, коллеги. Расскажите-ка им, мастер!»

У Фосса мгновенно побледнели губы, и он, заикаясь, начал: «Известно, господа, что наша Вселенная есть Мировая Книга, которую непрестанно пишет Творец. И мы все — действующие лица в этой книге. Каждому отведена своя Нить великого делания, предначертанная Творцом, и лишь от высшей воли зависит, сыграет ли кто-то из нас главную роль, верша людские судьбы, или канет в Безвестность, да будет она четырежды проклята. Ибо...»

«Ибо так написано, — нетерпеливо перебил Реджинальд, опершись кулачищами на стол. — Давайте по существу, мастер, здесь все ходили в церковную школу».

«Собственно, — торопливо сказал Фосс, — я почти закончил. Суть в том, что мой аппарат дает возможность увидеть, как пишется Книга. И позволяет, если надо, ее переписывать».

Мы все расшумелись, точно стая лягушек, потому что все это звучало как неуместная шутка. Богохульная, к тому же. А Фосс, повысив голос, стал выкрикивать: «Если позволите, я покажу! Если можно, сюда! Станет ясно! Пожалуйте!»

Тогда Реджинальд шагнул к двери, крикнул: «Вносите!» И охранники втащили в зал эту самую машину. Четырежды клятую.

Сейчас ее, наверное, уже разбили, сожгли и сбросили обломки в Вейлу, поэтому надо бы попытаться как-то описать детище Фосса для тех, кто не успел взглянуть.

Что скажу? Внушительного размера агрегат, с меня ростом. Везде блестят клапаны и бронзовые трубки, поршни и шестерни, все это скрежещет, хрипит и непрестанно

движется. Сбоку торчит здоровенный раструб. И выгладит в целом машина так, будто заводской станок скрестили с саксофоном. Но самое главное мы увидели, когда Фосс откинул квадратный люк справа от раструба. Там, в подсвеченной глубине, бежала, наматываясь на катушки, бумажная лента, а над ней, зажатое в пальцах механической руки, замерло наготове самопишущее перо.

Все примолкли, глядя на это чудо, а Фосс, воспользовавшись тишиной, сказал: «Если желаете, можно произвести эксперимент, демонстрацию работы».

«Смелей, коллеги, — подал голос Реджинальд. — Ну, кто хочет переписать свою судьбу?»

Не иначе как Безвестность дернула меня спросить: «А что нужно для опыта?»

«О, это просто, — оживился Фосс. — Требуется лишь образец ваших тканей. Образец помещается в приемную трубку, и аппарат настраивается на вашу Нить делания. В качестве образца годится что угодно: эпидермис, клочок волос, или пот, или, гм... экскременты. Или слюна...»

«Да плюнь ты в трубку, Кан!» — крикнул Хуго Валле, министр культуры. Раздались жидкие смешки, кто-то хлопнул в ладоши. Нервы, конечно, были у всех на пределе.

Я пожал плечами, встал и, ни на кого не глядя, сплюнул в раструб. Какая разница. Если Реджинальду угодно выставить себя дураком, отчего бы не помочь. Все равно проиграем...

Машина вздрогнула, застрекотала, перо стало выводить буквы. Фосс выждал минуту, ловко стянул с катушки ленту и прочел: «Я пожал плечами, встал и, ни на кого не глядя, сплюнул в раструб. Какая разница. Если Реджинальду угодно выставить себя дураком, отчего бы не помочь. Все равно проиграем».

«Это ничего не доказывает!» — воскликнул министр транспорта Йорн.

«Да?! — взревел Реджинальд. — А на это что скажете?»

Он шагнул к машине, выхватил перо из механических пальцев и принялся что-то яростно строчить на движущейся ленте. Я ощутил, как мои члены наполняет, словно газ, неведомая сила, подпрыгнул, ударил ногой по ноге и начал отбивать чечетку, будто заправский танцор. Противиться этому было все равно что пытаться двинуть занемевшей рукой, которую отлежал ночью: все конечности казались моими, но притом чувствовались как бы со стороны, принадлежащими кому-то другому... Нет, это трудно описать. Провожаемый взглядами министров, я отстучал каблуками звонкую дробь, крутанулся вокруг оси и картинно припал на колено, раскинув руки. Реджинальд выдернул ленту и прочел то, что написал минутой раньше: «Кан исполнил антраша, станцевал клог и сделал двойной пируэт».

Я поднялся и отряхнул брюки. Реджинальд питал страсть к танцам, ходил на балет, на фестивали народных плясок и частенько заводил интрижки с молоденькими балеринами. Вот откуда такие познания в терминологии. По-моему, с его стороны это было довольно подло. Между прочим, я вообще не танцую, в моем возрасте это серьезная нагрузка на сосуды. Нигредо — оно, знаете, никого не щадит.

«Подстроено!» — крикнул Хуго Валле. Реджинальд бросил ему через стол перо:

«Может, сами что-нибудь напишете, Хуго? Давайте, велите Кану пройтись колесом! Или пусть споет «Доброй ночи, мельник» или выпьет залпом графин вина! Валяйте, он в ваших руках!»

могучий торс противника, но тщетно. Дуво был шире, массивней. Потоптавшись, великан сделал подсечку и с размаху обрушил нашего бойца на арену. Вот и всё, первый раунд окончен, соперники разошлись по углам: Дуво — непобедимо раскачиваясь, уверенный в собственной мощи, Кегран — прихрамывая, опустив глаза. Обтерся полотенцем, кинул на песок. Подбежавший служитель подхватил брошенное полотенце и унес с арены.

Второй раунд. На этот раз Кегран был осторожней, долго кружил, примеривался для броска. Взойшло красное солнце, как всегда, злое и яркое, слепило глаза, мешало бойцам выбрать миг для атаки. Ощувив на щеке дуновение воздуха, я обернулся и увидел, как Фосс бросает в рас-трубу машины скомканную тряпку — полотенце, которым вытирался Кегран. Перо ожило в самописце, проворно застрочило: «...Был осторожней, долго кружил... Взойшло красное солнце, слепило глаза...»

На трибунах закричали. Обратив взгляд на арену, я успел увидеть, как Дуво бросился вперед, заломил Кеграну руку, они завертелись, и наш чемпион упал на колени. Вот-вот согнется под бычьей тяжестью, ляжет на взрытый песок...

«Аппарат готов!» — глухо крикнул Фосс.

Реджинальд выдернул перо из самописца и стал набрасывать строки: «Он сильнее, он встает, — увидел я из-за Фоссова плеча, — бьет по голове, ломает челюсть, побеждает...»

Тысячи глоток заревели, я снова обернулся, чтобы увидеть поверженного Дуво. Из его рта тянулся кровавый жгут слюны, грудь ходила ходуном. Заскрипело перо: Реджинальд черкнул еще пару слов. Кегран, перекинув ногу через плечо Дуво, ударил того ступней в висок, еще, еще, и великан, дернувшись, раскинул руки, будто хотел обнять все небо от края до края. Люди на трибунах зароптали, кто-то пронзительно свистнул, взвизгнула женщина.

В этот момент в ложу, топя и сгибаясь под тяжестью груза, вломились охранники. Кажется, те самые, которые накануне притащили в зал совещаний аппарат Фосса. В руках у них были холщовые мешки с чем-то глухо звенящим, бугристым, очень тяжелым. Крякнув, первый из них поднял мешок и опрокинул над раструбом аппарата. Монетки хлынули, как мутная река, зашуршали, исчезая без остатка в широкой горловине. И откуда там оказалось столько места? Механическая рука на миг замерла и принялась страшно дергаться, расплываясь в бешеном движении, как спицы вертящегося колеса, — но без пера, пера не было, бумага оставалась чистой, где же оно, где перо? Ах да, вот оно, в руке Реджинальда, он ведь так и не вернул его в машину. И тут же пришел черед второго мешка, за ним третьего... Двадцать тысяч монеток, из них десять — те, что бросили логовчане. Двадцать тысяч Нитей, двадцать тысяч судеб.

«Реджинальд», — успел сказать я. Вернее, это сказали все мы, весь кабинет министров. А еще вернее, мы это прокричали. А если быть совсем точным, все слилось в один общий крик, что-то вроде «Не-е-е-ет!!!» Мы стали вскакивать с мест, а охранники удерживали нас, не давали встать. Бальнер получил по шее, Йорну дали под дых. Мы боролись, поднялась свалка, и только Фосс ничего не делал, лишь смотрел, как Реджинальд пишет размашистым почерком какие-то короткие слова. Потом началось то, о чем вы и сами знаете. Люди взбесились, бросились на арену, в один миг растоптали Кеграна и Дуво, и там, на арене, сошлись с такими же кричащими, взбешенными

людьми. Мелькали сжатые кулаки, оскаленные зубы, вытаращенные глаза, стоял нескончаемый вой — вой ярости и боли, — и, едва слышная сквозь этот гвалт, с небес лилась чудовищно неуместная, веселая мелодия. Тогда-то я перестал быть министром здоровья, а стал обычным трусом, которого заботила только собственная шкура. И побежал прочь.

Творец, если ты читаешь эти строчки (наверное, ты единственный, кто их прочтет), то прошу, сделай так, чтобы все вернулось назад. Зачеркни то, что написал Реджинальд, соскобли бритвой, закрась мелом, а еще лучше — вырви последние несколько страниц Книги. Пусть мы опять станем играть свои никчемные роли, пусть исполнится Мировое делание, пусть Безвестность минует тех, кто послушен твоей воле, а тех, кто противится, Безвестность может забрать со всеми потрохами. Пусть не будет ни убийц, ни мародеров, ни дымящихся развалин, в которые превратилась наша земля, когда по ней прокатилась волна обезумевших от крови людей, забывших о том, как они жили, готовых только убивать и мстить, мстить и убивать.

Многие верят, что Реджинальду Дену заплатили министры Регеборга, и они же подослали к нам Фосса. Хотели стравить Лог и Цуг, выждать, пока мы перебежим друг друга, а потом занять наши опустевшие города. Только вот на каждой монетке из тех, что были в мешках, оставили свои следы десятки людей — не только из Лога и Цуга, но из самого Регеборга и прочих окрестных городов; «образцы тканей», как говорил Фосс. Бойня разгорелась повсюду. Разум сохранили единицы — например, я. До дня состязаний я с месяц не брал в руки медной мелочи: по магазинам ходила моя экономка. Бедная женщина.

Говорят, для того что сейчас происходит, уже придумали специальное новое слово: «война». Странно, вроде бы слово новое — а чувство такое, будто всегда его знал. Может быть, Фосс прав, и тот, кто нас сотворил, попросту глупец и бездарность? Но мир, который он создал, был, по крайней мере, добрым. Согретье тремя солнцами, под поющим небом мы состязались в силе и ловкости и не знали другой жизни. Злой гений Фосса, зависть Регеборга, алчность Реджинальда Дена показали нам, что бывает иначе. Наверное, рано или поздно человечеству суждено было стать свободным, но очень уж паршиво это у нас получилось. Впрочем, может статься, прав тот убитый мародерами старик, и все случившееся было промыслом самого Творца: он надоумил Фосса на четырежды клятую машину, вложил в головы министрам Регеборга их замыслы. Свободны ли мы в таком случае хоть на йоту от его воли? И если свободны, то где кончается воля безрассудного Творца и начинается наша безрассудная свобода?

О таком страшно даже думать, не то что писать.

Вероятно, это всё нигредо в моих жилах — разрушает, дурманит и медленно убивает. Как ему и положено. Между прочим, вот уже минут десять, как смолкла небесная музыка. До этого я слышал ее отчетливо, хоть и слабо. Что это значит? Неужели Книга подошла к финалу? Или ее больше никто не пишет? Надо выйти наружу, посмотреть.

